

18+

Прелесть последнего дня

Глазурин Георгий

Георгий Глазурин

Прелесть последнего дня

«Издательские решения»

Глазурин Г. А.

Прелесть последнего дня / Г. А. Глазурин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-647467-3

Приходилось ли Вам когда-нибудь видеть или слышать говорящую Ламу, лицезреть червя размером с высотное здание, наблюдать за тем, как предметы сами по себе перемещаются в пространстве? Или ощущать, как жизнь протекает сквозь Вас, когда остается лишь смотреть ей вслед? Нет? Как же так! Приготовьтесь погрузиться в историю с головой, ведь только так Вы сможете понять и, самое главное, принять происходящее. Рассказ ранее был опубликован в сборнике «Когда-нибудь под звездным небом».

ISBN 978-5-00-647467-3

© Глазурин Г. А.
© Издательские решения

Прелесть последнего дня

Георгий Александрович Глазурин

© Георгий Александрович Глазурин, 2024

ISBN 978-5-0064-7467-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогой читатель,

Мне бы хотелось сказать несколько слов перед тем, как вы начнете читать данную повесть. Вся эта история – не сплошной вымысел. Некая ее часть произошла со мной на самом деле. Да-да. Можете верить, можете нет.

Одной чудной ночью мне приснился сон. Такой яркий и реальный, будто в другой жизни со мной это и вправду произошло. В том сне я вел интересный разговор с одной Ламой. В тенистой глуши, во владениях дикой природы, ранее неведомые мне. Лама поведала мне долгую историю про жизнь и смерть, про любовь и горе, про мир и хаос. Эта Лама олицетворяла нечто неизвестное моему крохотному миру.

По утру я отчетливо помнил весь сон. Каждое слово, сказанное ею, крутилось в моей голове. И я осознал, что у меня готова полноценная идея для своего рассказа. Я искренне надеюсь, что своими скудными попытками в писательстве, я смог передать Вам свой смысл. И хотя бы немножко приоткрыть дверцу своего мира.

Как-то так.

Выражаю огромную благодарность каждому кто прочтет эти строки.

Спасибо!

2024 г.

– Может хватит тебе уже? – сказал бармен.

– Чего?! Не говори чепуху! Я только начал. – отрезал я.

– Гун, он прав. Ты уже на ногах не стоишь, и глаза слипаются. Поехали уже домой. – возразила М».

Я, ели найдя в пространстве бокал, взял его со стойки и выпил залпом все, что в нем оставалось. Вместе с обжигающим алкоголем закинул в рот кусочек льда и стал его грызть. Ударив по столу кулаком и вздохнув, будто после тяжелой пробежки, я сказал:

– Че вы пристали ко мне? А?! Это мой законный выходной вечер. Могу делать, что хочу!

– Знаешь, Гун – начал бармен. – Когда трезвый, ты довольно славный малый. Никого не трогаешь, не беспокоишь. Тише воды, ниже травы. С тобой даже приятно общаться. Но когда ты выпиваешь... Что же с тобой происходит? Даже страшновато становится.

Я слегка ухмыльнулся, прикрыл глаза и опустил голову вниз.

– Заткнулся бы ты, а!!! – крикнул я.

– Ладно, ему еще одну порцию, а мне холодный лимон с водой. – заказала М». – Выпиваем с тобой последние порции и едем домой. Усек?

Она смотрела на меня суровым взглядом.

– Ага...

Мы присидели в баре около часа. Я успел выпить 3 бокала и познакомиться с мужиком, который сидел за соседней стойкой. Вначале мы неплохо поладили, он рассказывал про свой бизнес, вроде что-то с яйцами связанное. Сказал, что много зарабатывает, назвав шепо-

том сумму, я понял, что она почти в 10 раз больше моего заработка. Завидно мне не было, деньги для меня огромной роли не играли. Но в один момент мне подумалось, что он пытается выпендриваться передо мной, еще и в присутствии моей подруги. В итоге я включил свойственный моему пьяному состоянию режим быка и погнал на него. Но не тут-то было. Он оказался не только богатеньким бизнесменом и красавчиком, так еще и крепким малым. Он заехал мне пару раз по роже. В челюсть и в нос. Переломов не было, но приятного мало. Всю дорогу до дома кровоточил нос, а с утра было больно шевелить челюстью. Что уж там, мне не впервой.

М» после перепалки подхватила меня под руку и вывела с бара. На неизвестном языке я кричал разные измышательства вслед тому мужику. Идя до машины, она что-то норовила поучительным тоном.

– Ты же понимаешь, что так нельзя? Зачем ты на него полез? Он больше тебя почти в два раза, ты разве этого не видишь? Как малое дитя...

Я лишь на все кивал головой в ответ.

У машины я кинул ей ключи. Она открыла дверь и села на водительское место, я устроился рядом. Как и говорил, деньги – для меня большого смысла не имели. От роду был такой. Сам не знаю почему, может цены их все еще не узнал, а может потребностей попросту нет. Ездил я на старенькой Honda серебристого цвета пикап. Удобная, недорогая в обслуживании, подходила для моей работы. А большего комфорта мне и не требовалось.

Сев в машину, сразу в голову ударил сильный зуд. В мыслях кружился безумный водоворот, словно еще немного, и он затянет весь мир в себя. Я схватился за виски и стал вдавливать их пальцами. Казалось, вот-вот и голова лопнет. Наверное, многовато сравнений, однако по-другому передать, что творилось в моей башке, просто невозможно. Изрядно уж я тогда накидался.

Я открыл окно и закурил сигарету. Совсем чуть-чуть, но мысли становились по полочкам. М» тем временем тихо сидела на своем месте и с отторжением смотрела на меня. Я не любил такое выражение ее лица. Она вставила ключ зажигания и со второго раза завела машину. Мотор заиграл в своем обыденном ритме. Затем она включила проигрыватель и поставила свой компакт диск, полилась музыка. Она постоянно носила с собой в сумке несколько дисков со своей музыкой. Включала, не спрашивая у меня, в моей машине. Это в ее характере. Любила она – классику. Я же с музыкой пианистов старых времен был на вы. Но иногда послушать можно было. Есть что-то такое в этой музыке, неподвластное слуху. То, что раскрывается где-то в глубине души. Люди, передающие чувства, эмоции, слезы и смех в виде искусства – невероятные люди. Я всегда это знал. В этот раз из проигрывателя заиграл Шопен Ноктюрн Си-Мажор. Какой номер не вспомню. Под клавишную мелодию мы медленно покатались к дому.

За окном, как и всегда, простирался прежний вид. Улицы, которые сегодня я уже видел. Все те же магазинчики, что и днем, только теперь их озарял лунный свет. С виду они казались заброшенными. Стояла июньская пора, начала лета. Сезон дождей уже дышал в спину, но на небе не было и облачка. Звезды на ночном пространстве изредка маячили своим светом, будто напоминая, что они еще здесь с нами. Автосигналы стояли на своих местах. Хотя бы немного сдвинулись... На самом деле этот вид мне уже крайне наскучил. Столько лет я вижу одно и то же, день изо дня. Кажется, что мир стоит на одном месте и никуда не движется. Либо дело во мне. Я, как вкопанное дерево, столетиями стою в одной точке и вижу одно и то же, и нет возможности вырваться из силы притяжения. Возможно, за границами этого мира, моего мира, пролегают чудесные края, места, будоражащие воображение, и время там движется с неимоверной скоростью. Но я обречен видеть, как стрелка на часах без способности к движению показывает лишь одно число на циферблате. И больше она никогда не сдвинется. А мне только что и остается, как созерцать.

На секунду почудилось, что все слова из моей головы едким паром витают по салону машины. М» была сосредоточена на дороге. Устремив взгляд вперед, она крепко сжимала руль

своими тонкими пальцами и в такт мелодии мурлыкала себе под нос. М», так я решил ее здесь называть по сугубо личным причинам, была подругой детства. Сколько мы с ней общаемся, так и не сказать. Как себя помню, она всегда была рядом. Жили на одном дворе, вместе ходили в детский сад, затем в школу. Когда поступили в колледж, расстались на год. Она училась на дизайнера в другом городе, я остался в прежнем, но так и не смог никуда поступить. Спустя год она отчислилась и вернулась обратно, стала работать на фирме у родных. Даже и не знаю, обрушились ее мечты или нет, мы с ней почти об это не разговаривали. Так всегда и происходит. Наш город похож на огромный лабиринт. Кажется, что ты уже на выходе, и вот пред взором открываются дивные просторы. Но, как ни странно, это все лишь глупые иллюзии глупых людей. Ты двигаешься на несколько сантиметров, а город, словно вантузом, засасывает тебя обратно. И ты уже не видишь просторных видов, а лишь непреодолимое отчаяние. Как-то так.

Она была хорошим человеком. Красивой девушкой. Когда я о ней задумывался, то никогда толком не мог найти в ней изъяны. А если уж и находил ключ от небольшого сундучка с ее минусом, то сразу же показывались огромные сундуки с золотом в виде плюсов, которых было больше в алгебраической прогрессии. М» была трудолюбивая, заботливая, ответственная. И что самое главное – добрая. Она была намного добрее меня. В нынешних реалиях этого простого слова, как доброта, крайне не достает. Она постоянно выручала меня в сложных ситуациях. Я частенько брал ее с собой в бар, ибо только она, хрупкая маленькая девушка, могла утихомирить мой пьяный пыл и спасти меня от невероятной гибели. Когда умер мой отец, она была единственным человеком, который остался со мной. Впав в алкогольную кому, она протянула руку и, без моего согласия, взяв меня за шиворот, вытащила к свету. Пожалуй, моя любовь к ней звучит эгоистично. Однако мое скудное внутреннее существо необъятно ее ценило.

Подъехав к дому, она одним нажатием забрала свой диск и заглушила мотор.

– Поднимешься ненадолго? – спросил я.

– Конечно. Ты себя видел? Нос в крови, рубашка тоже, на ногах стоять не можешь. Свалишься и уснешь еще на лестничной клетке. Пошли.

Я жил в стареньком доме. Лифта в нем не было, потому приходилось подниматься пешком на третий этаж.

Поднявшись на этаж, я стал показывать свой трюк. Я всегда его делал. Это была моя пьяная способность. Как в фильме про пьяного мастера с Джеки Чаном. Чтоб дойти от лестничной клетки до своей двери, мне нужно было сделать всего 8 шагов. Не больше, не меньше. Каждый шаг должен быть примерно одного расстояния. В каком бы я ни был состоянии, всегда мог проделать этот трюк.

– Опять ты за свое. – сказала М».

– Ага. – буркнул я.

Дойдя до двери, я с закрытыми глазами доставал ключи, открывал дверь, снимал обувь, нажимая на пятки ботинок. Скидывал верхнюю одежду на пол. Делал еще 5 измеренных шагов и валялся на кровать. Это уже превратилось в мой собственный ритуал. Что только не придумаешь, когда ты заядлый пьяница.

– Ну чудааак. – протянула она.

Сидя на кровати, я смотрел на луну, которая белесым светом наполняла комнату. М», стоя в темном углу, потянулась к выключателю.

– Не включай свет. – произнес я.

– Ладно.

– Останешься сегодня со мной?

Она насмешливо улыбнулась и сказала:

– Что ты собрался со мной делать? Ты даже раздеться сам не можешь.

– Ты меня недооцениваешь. – сказал я, делая суровый взгляд.

Она прошла на кухню, налила в стакан воды и подошла ко мне.

– Гун, ты же знаешь, мне завтра рано вставать на работу. Ложись спать. Выспись хорошенько, а завтра после работы можем увидаться.

Я молча кивнул в ответ.

Она стала поэтапно меня раздевать. Сняла пиджак, рубашку. Затем стянула брюки и носки. Бросила запачканную кровью рубашку в стирку. Уложила меня в постель. Накрыла одеялом. Поставила на тумбу у изголовья кровати стакан воды.

– Доброй ночи, Гун. – перед уходом сказала она.

Я укутался одеялом с головой и провалился в глубокий сон.

***

Кто же я такой? Этот вопрос всплывает у меня в голове каждый день. И чаще всего я отвечаю себе – ты просто пьяница. Отчасти это правда. Иногда я ощущаю себя пустышкой. Пустая банка, в которой нет и капли жидкости. В детстве вместе с бабушкой мы ездили на одно пастбище. Оно было поросшее зеленой свежей травой. В некоторых местах искрились под солнцем желтые цветы. На этом лугу пасли овец. Десятки, а может, сотни причудливых животных, похожих на облака, бегали друг за другом и весело бекали. Мы расстилали простыни, усаживались и смотрели на этих существ часами. Бабушка рассказывала всякие истории из жизни. Про детство, про отрочество, про свою карьеру. Было свободно и легко, никаких скверных мыслей, никаких глупых вопросов. Я чувствовал себя листком, который вырвался с веток дерева, и с помощью дуновения ветерка мог облететь полсвета.

А что же сейчас? Лишь тяжесть бытия захватывает мои мысли. Этот луг все еще остается у меня в голове. Но отныне – он пуст. Вся трава на нем засохла, сгнила, испарилась. Овец пустили на убой, и только клубы шерсти катаются по черной земле, будто перекаати-поле. Желтые цветы, похожие на приспешников солнца, завяли и превратились в перегной. Таким я вижу себя. Я фигурка безликого человечка, которой можно вертеть в любые стороны, а она с потухшими глазами подается любому приказу.

Я не нашел себе места. Не нашел любимой работы или хобби. Не нашел своего человека. Не нашел себя. Я пьяница, который утопает в алкоголе в надежде убежать от этих голосов, которые бушуют, как шторм в море, в моей голове. Когда же этот поиск подойдет к концу?

Но в один день все изменилось. Из моей головы, моего тела словно вытащили все внутренности, и образовалась немая тишина. Она плавно растекалась от пяток до кончиков волос. Некая истина без стука ногой отворила дверь, зашла в мой мир и дала мне взбучку. Мое томное течение подошло к концу. И этот конец оказался началом.

***

Проснувшись утром, а точнее ближе к обеду, слегка болела голова и мутило живот. Боль от побоев почти прошла. Мне к такому не привыкать. Каждые выходные вечера происходит одно и то же. Я где-то напиваюсь, начинаю буйнить, а М», словно спасатель на берегу моря, вырывает меня из ядра сражений.

Сам по себе то – я человек спокойный. Когда трезв, за словом в карман не полезу. Люблю тишину, монотонность, одиночество. Но когда начинаю пить, во мне будто просыпается другой человек. Иногда думаю, что у меня внутри обитает кто-то еще, какой-то придурок. Биполярное расстройство вроде называется. И как только я выпиваю больше трех бокалов, он, независимо от моего желанья, вырывается наружу. Начинает крушить, разрывать и метать все вокруг, подобно не подвластному зверю. Из раза в раз я понимаю, что так больше нельзя продолжать жить. Но увы, лишь эти ребячество и своеволие помогают мне справляться с пронзающим натиском голосов в моей голове.

В тот день у меня выпадал выход в ночную смену. Весь день был свободным, а делать было нечего. Работу своей мечты я не нашел. После окончания школы многие сверстники поступили в разные колледжи и университеты. Сейчас уже ездят на дорогих машинах, имеют семьи и живут в огромных домах. Я же послал свою судьбу на произвол течения реки. В 18 лет отец мне сказал, чтоб я решал все свои проблемы сам и валил с дома. Потому мне с раннего возраста приходилось браться за любую работу. Был официантом, грузчиком, мойкой грязной посуды, даже проработал поваром какое-то время. Но все было не то. Работа мне быстро докучала, да и начальство всегда было паршивое. Я собирал свои манатки и с треском убежал, оставляя после себя лишь пыль, не оглядываясь назад.

Сейчас же я нашел себе подходящую работенку. Томную, медленную, сводящую скулы от тоски, как и я сам. Купил поддержанный старенький пикап на небольшие сбережения и устроился в книжную фирму. Занимался развозом книг по точкам, которыми был усыпан весь город. Большой ум для такой работы был не нужен. Забираешь тираж книг со склада, проверяешь целостность их упаковки, заталкиваешь в машину, хорошенько цепляешь, чтоб не улетели, и везешь к нужной цели по намеченному пути. На месте заполняешь некоторые бумажки и отдаешь в дельные руки. Затем обратно на склад. И так туда-сюда. Конечно, бывает, попадают заказы в соседние города, и груза там много, но за это доплачивают, потому воротить носом не приходится. Как раз такой заказ мне и выпал в ночную смену.

На складе нужно было быть к десяти часам вечера. Весь день был в моем распоряжении. Выкурив первую утреннюю сигарету, я решил проверить, что у меня есть на завтрак. Открыв дверцу холодильника, я увидел три яйца и пару листов салата. Да уж, не густо, подумал я. Хоть и поваром я работал, но любителем готовки не был. Поэтому еды в моем холодильнике практически не бывало. Пусть хоть мышь вешается. Или кто там вешается?

Устав смотреть на этот тусклый пейзаж, я закрыл холодильник и подумал сходить куда-нибудь перекусить. После вчерашнего пьянства моему животу не помешало бы подкрепиться. Сходил в душ, вымыл голову. Подумывал побриться, так как на лице была сколько-то дневная щетина, но решил отложить это на потом. Закончив все дела в ванне, раздумывал в чем пойти.

Жил я, кстати, в двухкомнатной квартире в затхлом сыростью и погруженным в людские раздражения районе. Квартира перешла мне по наследству, когда мой старик умер. От чего я был крайне удивлен. Общались мы с ним – посредственно. Умер он, так сказать, не благой смертью. На работе, а работал он на фабрике изготовления дверей, получил занозу. Плюнул и вытаскивать не стал. В итоге рана загноилась и произошло заражение крови. Промучился на медицинской койке пару месяцев, а после и испустил дух. Матери у меня никогда не было. То есть как бы физически она существовала, но в глаза ее я не видел. Она свалила после моего рождения. По рассказам отца, она была местной шлюхой, поэтому все было понятно.

Погода в последнее время была непредсказуемой. С утра может печь как в аду, а к вечеру пойдет дождевая буря, и всех нас спасет Ноев ковчег. Иногда кажется, что там наверху, Бог лета и Бог осени играют в карты за то, кто сегодня властвует на земле. И Бог лета неплохо так сдает позиции, принуждая мирской люд сталкиваться с осенним хаосом. Выкинув из головы все сторонние обстоятельства, я надел легкие хлопковые брюки серого цвета; белую майку неизвестного бренда и сверху нее рубашку-гавайку. На голове завязал волосы в пучок (у меня были длинные волосы, чуть не доставая плеч) и накинул кепку, высунув сзади хвост. На кепке была эмблема баскетбольной команды Детройт. На нос солнцезащитные очки Рей-бан с круглыми стеклами.

На улице, казалось, жизнь перестала существовать. Пройдя около километра от своего дома, я насчитал всего трех человек, попавшихся мне на глаза. Район такой был, люди либо идут на работу, либо работа идет на них. Другого варианты нет, увы. Дойдя до закуской, в которой я нередкий гость, я уселся за свободный столик, а таковых было сполна, и стал рассматривать почти наизусть выученное меню. Немного поразмыслив, я заказал овощи с рисом

в сливочном соусе, уголь на мясе и стакан холодного пива. Ожидая свой заказ, я погрузился в тайную комнату своих мыслей.

***

Детство. Мне лет 10. Тогда я частенько спал днем. Старик был на работе, делать нечего. Лето, безумная жара. Открытое окно, с которого слегка дует свежий ветерок. Я потный плюхаюсь на кровать и наблюдаю за солнечными зайчиками, играющие со мной на потолке. Сам того не замечая, веки наполняются свинцом, глаза медленно закрываются, и я погружаюсь в мир сладких снов.

Большое поле усеяно неизвестными фиолетовыми цветами. Со стороны, оно напоминает океан, у которого нет конца и края. Все поле залито солнечными лучами. Я иду вперед, наступаю на цветы босыми ногами, забирая у них жизнь. Вдалеке стоит огромное дерево, нереальных размеров. Под ним женщина, незнакомка. Ноги, словно мне они не принадлежат, тянут меня к ней. Она не произносит ни слова. Стоит молча под тенью волшебного дерева. Улыбается сияющей улыбкой и смотрит прямо на меня карими глазами.

Я подхожу ближе, задираю голову вверх, чтоб получше рассмотреть ее лицо. Красивое. Она с распростертыми объятиями прижимает меня к себе. Я ощущаю мягкость ее груди, нежность рук, легкую теплоту. Я точно ее не знал раньше. Но уверен на все сто – она моя мать. Другого вариант и быть не может. Я отстраняюсь от ее объятий, чтоб еще раз взглянуть в эти карие глаза. Она все так же смотрит на меня с любовью и заботой.

Спустя пару минут эта женщина, моя мать, поднимает руку вверх ладонью к солнцу. И вдруг дерево, подобно живому разумному организму, начинает протягивать ей свою ветку с плодом, похожим на спелое яблоко. Эта ветка извивается непонятными узорами и зигзагами, словно змея. От удивления у меня учащается дыхание, слезятся глаза.

Через несколько секунд волшебный плод падает на ладонь матери. Это сказочное древо напоминает послушного зверька. Она протягивает мне этот фрукт, а может и ягоду. Не раскрывая рта, говорит:

– Вкуси его. Тебе это нужно.

Голос нежный, подобно шелковой простыни. Я держу его в руках. Сочный спелый фрукт, кажется, если на него надавить, то польется сок. Но что-то было не так, мой маленький разум неосознанно это понимал. Недолго думая, я было решил отдать его обратно. Однако мой живот неожиданно издал странный звук. Я почувствовал лютый голод, будто не ел ничего годами. Поддавшись биологической потребности, я откинул все сомнения и вкусил его. Его вкус тяжело описать. Он похож на сладость победы, на первый поцелуй, на слезы, льющиеся от горя. Его сок растекался по всей моей плоти, заменяя кровь, текущую по жилам. Что-то неподвластное юному сознанию менялось внутри меня.

После первого укуса голод пропал, как-будто его и не было. Я поднял голову и с улыбкой на лице посмотрел на мать. Там уже была не она. Выражение лица все тоже, те же карие глаза. Присмотревшись получше, я заметил, как с левого глаза выползает личинка. Затем из щеки, чуть выше ее улыбки, разрывая плоть, вылез таракан. Различные жучки полезли со всех щелей на лице. Вскоре правый глаз лопнул, как надувной шарик, и растекся по лицу. Левый глаз вывалился и повис, как груша для бокса, на глазной нити. Вся кожа на лице медленно начинала разлагаться, обваливаясь гнойными кусками. Через время вместо нежного лица матери остался лишь череп, поросший мерзкой плотью. А улыбка так и не сходила с ее лица.

На этом моменте я всегда просыпался. В холодном поту, с ужасом в глазах. Сейчас этот сон мне уже не снится. Но я отчетливо отложил в воспоминаниях это мертвое лицо с растянутой до ушей улыбкой. В жизни свою мать я никогда не видел. Нет ни фотографий, никаких

вещей. Даже и не знаю, жива она или нет. Изредка захаживая в бордели, боялся ее там встретить. Но, к моему счастью, если она все еще жива, то уже стала старушкой.

***

Ожидание заказа оказалось оправданным. Овощи были идеальной прожарки, чуть похрустывали. Сливочный соус прекрасно дополнял вкус. Три рисинки красовались посреди тарелки между овощей. Взяв одну, я разрезал ее ножом на три части и, макнув в соус, с наслаждением проглотил. Уголь по вкусу не уступал. Пропитанный жареным мясом, с него тек нектар. Конечно, слегка суховат, но что поделать. Уголь есть уголь. Покончив с вкусным завтраком, я запил все холодным пивом. Сделал вдох полной грудью, затем медленно выдохнул. Взял зубочистку и вычистил зубы от застрявшего угля. Достал пачку Винстона и закурил сигарету.

На улице уже стоял непереносимый жар солнца. Смотря на горячий асфальт, было видно, как развиваются язычки испарины. Слева от меня в паре сотни метров находилось высокое здание. Вроде офисного центра. Неожиданно огромный червь, по размерам походивший на поезд, стал обволакивать эту высотку, словно удав. Через несколько секунд его голова (если она вообще есть у червя) достала до самой вершины. От его силы был слышен звук крика стекол в окнах. Поначалу я подумал, что мне просто показалось. Но взглянув еще разок, понял обратное. Ну и дела, подумал я.

Люди все до единого испарились с просторов улиц. Либо же растаяли от убийственного тепла солнца. У нас такое частенько бывало. Добравшись до дома, я завалился на кровать, свесив голову у ее края. Включил вентилятор и направил на себя. Ноги закинул на стену и стал лежать в форме пятидесятиградусного угла.

Как и утром, делать было нечего. Вообще, в свободное время занятий у меня было мало-мало. Иногда слушал музыку по CD-плееру, любил старых легенд: Битлов, Металлику, АС/DC. Бывали деньки, когда хотелось послушать сольное фортепиано. Я включал единственный свой диск Шуберта «Карнавал» и выслушивал его до корок или крови из ушей. Смотрел телек, какие-нибудь глупые сериалы или баскетбольные матчи, болел за Детройт. Мог почитать детективы, но редко. Так же, как и в детстве, засыпал днем и просыпался лишь к ночи. Ну и конечно же выпивка. Она была моим немаловажным хобби. Я не всегда напивался до чертиков. Мог выпить немного пива в жаркую пору или виски со льдом сугубо для облегчения тяжелой головы. Но все же она была неотъемлемой частью моей жизни. Как бы это грустно не звучало.

Пролежав с полчаса, я чувствовал, как медленно засыпаю. Тело становилось вялым и слабым, будто я состою из ваты. В фазе полусна зазвонил телефон. Он лежал на столе, потому чтоб ответить, нужно было встать. Важного звонка я ни от кого не ждал. М» была на работе, поэтому звонить она не могла. С книжной фирмы обычно не звонят. Да и вечером у меня смена, если что надо, там и сообщат. А больше и некому звонить. Я откинул дрянные мысли, подумав, что скорее всего звонит какая-нибудь реклама, и дальше погрузился в блаженство. Но спустя пару минут звонок повторился. Затем еще раз. Это начинало понемногу меня раздражать. После третьего раза я поднялся.

– Ало. Что вам нужно? – агрессивным тоном произнес я.

– Добрый день. Вы Гун *****, верно?

Голос на другом конце был спокойным и уверенным. Думаю, собеседнику было лет за сорок.

– Верно. Кто вы?

– Отлично. Я лечащий врач вашей бабушки. Последние два месяца она проходила у нас курс лечения. Процесс проходил плодотворно, но возраст никого не щадит. К огромному сожа-

лению, звоню вам с прискорбной новостью. Вчера ночью ваша бабушка скончалась. Примите мои соболезнования.

Я затаил дыхание и устремил взгляд в одну точку. Пульс пустился в пляс. В горле, подобно пустыне Сахара, все пересохло. Я положил телефон на стол и пошел на кухню. Выпил два стакана холодной воды.

– Что... Повторите еще раз. – продолжил я.

Опять смерть. Вновь кто-то умер. Эти мысли кружили хоровод в моей голове.

– Я понимаю Гун. Такое тяжело принять так сразу.

– Нет... Это, наверное, просто розыгрыш, да? Она же ничем не болела. Как же так...

– Гун, когда вы последний раз общались со своей бабушкой.

Его слова эхом пронесли где-то внутри меня, словно в пустой комнате. Когда же я с ней разговаривал последний раз.

– Не знаю. Год или два назад. – я говорил еле слышимым голосом.

– Примерно тогда у вашей бабушки образовалась опухоль в голове с размером в грецкий орех. – он ненадолго замолчал, затем продолжил. – Почти полтора года она занималась самолечением. И что странно, прогрессивность роста опухоли снизилась. Как она это сделала, нам непонятно и по сей день. Обратившись к нам, она пожаловалась лишь на небольшую головную боль. Я прописывал ей ряд лекарств, но боль не уходила, только нарастала. Уговорив ее, практически заставив, она решилась сделать рентген. И тогда все стало понятно, однако было уже поздно. Она потратила немало средств на лечение. Мы провели полный курс терапии, но, увы, возраст берет свое. За неделю до кончины она, будто ее ощущая, попросила меня уведомить вас, как только это произойдет. И вот этот день настал.

Он замолчал. Я тоже не произносил ни звука. Казалось, что большой слон забрался в мою голову и высосал своим хоботом, как воду из реки, все слова. Собравшись, я пытался что-то выдать из себя, но врач меня опередил.

– И еще. Она просила передать, чтоб вы посетили ее дом. Там есть что-то важное, сказала она. Адрес приложила.

– Я его зна...

– Нет. – оборвав меня, сказал врач. – Это не прежний дом. Почувствовав свою болезнь, она за гроши продала свое старое пристанище и купила небольшой домик в глуши, наполненной тишиной. Ручка под руками есть?

Я судорожно начал искать блокнот и ручку. Через минуту все было готово.

– Я слушаю.

– Адрес город *****, улица *****, 3-ий переулок. Около больших ворот оставите машину. Пройдя в них, следует идти по тропе вдоль леса, километр может больше. Идти только прямо, никуда не сворачивая с пути. После наткнетесь на небольшой деревянный дом, это он и будет. Не заблудитесь. Записали?

– Да.

– Отлично. Если что-то забудете, можете звонить в любое время.

– Хорошо. – сказал я.

– Вот и отлично. Еще могу быть чем-то полезен?

Он будто знал, что у меня остался вопрос. Этот вопрос повис в воздухе и не давал никому покоя.

– Откуда вы это все знаете? Про старый дом, про новый.

Я почувствовала через телефон его мягкую улыбку.

– За эти несколько месяцев мы много разговаривали с вашей бабушкой. Успели неплохо сдружиться. Поэтому она мне все и поведала.

От его слов резко заболело под грудью.

– Я понял. – разрезая тишину, бьющую по вискам, выдавил я.

– Тогда с огромным уважением прощаюсь с вами. И еще раз примите мои соболезнования. Всего хорошего.

– Постойте. Она больше ничего не говорила мне передать?

Недолго поразмыслив, врач ответил.

– Нет. Она говорила, что вы смысленный парень, и в остальном разберетесь сами.

В остальном разберусь сам, шепотом произнес я. В чем же мне нужно разобраться?

– Я вас понял. Спасибо вам. Всего доброго.

Он положил трубку.

Не спеша вечер сменил день. После телефонного разговора я все время пролежал на кровати, открывая одну за другой банки пива, выпивая каждую за три глотка. Нет, мне не было плохо. Не было больно. Боль ушла, как страшный сон, сразу же после того, как врач повесил трубку. Я лежал на спине, смотря на белый потолок. Он был болен. По всей его поверхности появлялись маленькие трещины прямо на глазах. Они напоминали глубокие раны. Каждая трещина была производной другой, каждая происходила на свет от своего собрата. И казалось, что эти трещины будут разрастаться до бесконечности.

Я пытался думать лишь об этом потолке. Но у меня не получилось. Мысли, подобно здоровому черному быку, который увидел красный флаг, ринулись в дальнее путешествие по заплесневелым уголкам мира воспоминаний, ищущие отголоска, ищущие ответов.

Бабушка была единственным чистым человеком в нашей семье. Отец, ее сын, проработал всю жизнь на заводы, постоянно пил из-за несбывшихся мечт. Нелепо жил и так же нелепо умер. Мать проститутка и на этом все. Дед, ее муж, старый скверняга, который постоянно был всем недоволен. Полжизни просидел у бабушки на шеи, так и ничего не добившись. Умер от цирроза печени. А я далеко от них не ушел. Как в поговорке про яблони. Жалкий развозчик книг, пьяница, живущий в наследстве от отца, с которым даже и словом не обмолвился перед смертью.

В молодости, когда ей было 20 с перышком, бабушка занималась игрой на фортепиано и вокалом. Голос даже спустя десятки лет у нее был потрясающий. Однажды она записала на пластинку свою композицию под аккомпанемент опытного пианиста, который играл мелодию, созданную ею. Она пела прекрасным голосом строчки песни, которую написала за одну ночь. Если память не бредит, та пластинка называлась «Прелесть последнего дня». Я слушал ее в детстве вместе с ней. Слова в песни четкой идеи не несли, одни сплошные метафоры. Но в них даже ребенком я ощущал некую теплоту любви, нежность юного прикосновения. Мелодия растекалась по всему пространству, окутывая все частички твоего мозга. Даже и сейчас эта пластинка лежит у меня в старых вещах. Захотелось ее переслушать.

Так вот, выпустив свое творение, она почти за год продала около миллиона пластинок. Бабушка стала популярна по всему миру. Ее уговаривали проводить концерты хотя бы с одной композицией, но она отказывалась. Она не понимала, отчего же такое восхищение ее работой. Ибо она считала – это лишь попыткой прикоснуться к искусству.

В конце концов, бабушка заработала приличное состояние за этот год и распрощалась с музыкой. Докучала ей эта популярность. Под конец своего сияния, она познакомилась с мужчиной, будущим мужем, моим дедом. Он, как оказалось, являлся ее ярым фанатом. Вначале у них была искренняя любовь. Он ее, можно сказать, боготворил. Но отнюдь, в этом мире не существует ничего вечного. Через пару лет их брака у деда перегорела искра, высох океан. Он уселся на шею, бросил работу, устроился на новую, называется «Начальник по сидению на диване за телевизором». Начал пить, затмевая в этом свои неудачи и вина бабушку в том, что она разрушила его цели и мечты. И когда мне стукнуло 18 на следующий день после моего дня рождения, он испустил дух. Запивался алкоголем до убоя, так еще и дешевым. Вот и помер. И опять же, нелепая смерть – нелепого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.